

Жизнеспособность человека: новое понятие и новые вызовы

А. В. Махнач

Анализ истории понятия «жизнеспособность человека» в психологии

Уже несколько десятилетий термин «жизнеспособность человека» используется в социологии, антропологии, психологии, педагогике, политологии, экономических и медицинских науках. Вместе с тем до сих пор нет единства в его понимании, а диапазон расхождений во мнениях о феноменологической сущности этого понятия достаточно широк. Концепция жизнеспособности человека становится метатеоретическим конструктом и регулярно встречается в исследованиях, в обсуждении международной и финансово-экономической политики, в анализе корпоративных рисков, в разработке национального, регионального и городского планирования, здравоохранения, национальной безопасности (Махнач, 2012). Психологи, нуждающиеся в теоретическом осмыслении жизнеспособности как системного свойства человека, стремятся ассимилировать результаты, полученные в разных науках.

Многообразие дефиниций этого понятия объясняется разнообразием парадигмальной приверженности авторов различным научным традициям. В каждом определении жизнеспособности выделяются разные феноменологические признаки и структурные элементы, факторы детерминации этих подструктур, что осложняет понимание сущности явления, поиск инструментария его изучения, выявление механизмов и закономерностей развития. Для осмысления

Работа выполнена по заданию ФАНО РФ № 0159-2018-0001.

этого понятия необходимо всесторонне изучить предмет исследования в его феноменологической и пространственно-временной континуальности.

Понятие «жизнеспособность» (resilience) первоначально было разработано в физике материалов, затем появилось в биологии, философии, экологии, социальных науках. Основой системного подхода к исследованию жизнеспособности в 1960-х годах стали работы создателя и вдохновителя экономической кибернетики С. Бира, проведенные на основе теорий Н. Винера, У. Эшби, К. Шеннона, Дж. фон Неймана. Развитие модели жизнеспособной системы С. Бира (Viable System Model – VSM) позволяет анализировать существующие организационные структуры на предмет функциональной полноты, модифицировать их или синтезировать новые, удовлетворяющие требованиям, предъявляемым к их жизнеспособности и эффективности функционирования. Сейчас это направление развивается с привлечением теории систем, науки о сложности, аутопоэзиса, синергетики. Постепенно концепция жизнеспособности утверждается в качестве доминирующей в области управления системами, природными и человеческими ресурсами. Вместе с тем по-прежнему «наука нуждается в интердисциплинарной обобщающей теории жизнеспособности любых систем». Жизнеспособность систем стали рассматривать как «форму проявления активности и адаптивности системы» (Разумовский, Хазов, 1998).

В словарях для определения жизнеспособности применяются такие характеристики: гибкость, упругость, эластичность, устойчивость (к внешним воздействиям), способность быстро восстанавливать здоровое физическое и душевное состояние. В отечественной научной литературе этот термин переводится по-разному; мы же считаем, что английскому «resilience» в русском языке наиболее точно соответствует «жизнеспособность». Отечественные психологи и ученые из других социальных и гуманитарных дисциплин стали разрабатывать это понятие относительно недавно, и для подобных ситуаций П. Н. Шихирев высказывал следующее соображение: «Как обычно это бывает, после утверждения определенного термина (или категории) начинается борьба за его трактовку той или иной дисциплиной, а внутри нее – за преимущественное право интерпретации тем или иным направлением» (Шихирев, 2003, с. 17). Можно с уверенностью сказать, что отечественная психология проигрывает в этой «конкуренции» за термин многим наукам: социологии, философии, экономической и медицинской наукам. Например, в российской психологии только начинаются исследования жизнеспособнос-

ти в области психологии развития (Виленская, 2016; Королева, 2015; Куфтяк, 2014; Лактионова, 2017а; Сараева, 2017; Сергиенко, 2016а; Тарабрина, Харламенкова, 2016; Хазова, 2016). В 2003–2005 гг. в рамках международного проекта «Методологические и контекстуальные проблемы в исследовании детской и подростковой жизнеспособности» группой экспертов, в которую входили и российские участники (А. В. Махнач, А. И. Лактионова), был проведен анализ факторов риска и защитных факторов, оценена жизнеспособность подростков и молодых людей в 13 странах (Makhnach, Laktionova, 2005). В 2003 г. на совещании по этому проекту в Университете Далхузи (Галифакс, Канада) в нашем докладе «Challenges in researching resilience in Russia» впервые прозвучал и был обоснован перевод английского термина «resilience» на русский язык как «жизнеспособность». В настоящее время по теме жизнеспособности человека (семьи, общества, коллектива) благодаря кросс-культурным, когортным, лонгитюдным исследованиям накоплен большой объем данных, которые стали достоянием психологической науки, не только зарубежной, но и российской.

С тех пор как психологи впервые обратили внимание на феномен жизнеспособности, прошло более четырех десятилетий (Masten, 2007), и это понятие содержательно менялось. Заметная эволюция понятия «жизнеспособность человека» происходит в психологии с 1960-х годов и продолжается в настоящее время. В исследовании жизнеспособности (преимущественно детей и подростков) и в операционализации этого феномена в психологии можно условно выделить 4 волны (Masten, Obradović, 2006). По нашему мнению, вследствие бурного развития исследований и обобщения значительных данных по лонгитюдным экспериментам, которые были осуществлены ранее, но системно осмыслены в первую декаду нового тысячелетия, уже настало время выделения пятой волны исследований жизнеспособности человека, обоснования которой мы приводим ниже. Итак, опишем пять волн исследования жизнеспособности человека:

Первая волна исследований была направлена на изучение защитных механизмов, которые предсказывают жизнеспособность, с попыткой понять, что смягчает влияние факторов риска на детей (E. J. Anthony, M. Bleuer, N. Garmezy, M. Rutter). В 1970-е годы в курсе детской психопатологии прозвучал термин «неуязвимый ребенок» (Garmezy, 1976), который стал ключевым для описания личностных и социальных изменений в жизни детей, подростков, находящихся в неблагоприятных условиях жизни.

Начиная с 1940–1950-х годов Н. Гармези изучал компетенции в жизни человека и строил прогноз его развития в связи с серьезны-

ми психическими заболеваниями. Позже в проекте «Компетентность» (Project Competence) в 1976–1977 гг. им и его коллегами исследовалось взаимовлияние родительской компетентности, неблагоприятных условий жизни и жизнеспособности детей. Авторы этого уникального проекта подтвердили значимость родительских компетенций для прогноза функционирования родителей и развития у детей неустойчивости как интегративного свойства, даже в случаях серьезных психических заболеваний родителей (Garmezy, 1976; Garmezy et al., 1984). Ими также были впервые описаны модели, методы, а также рабочие определения таких понятий, как «компетенция», «защитные факторы» и «жизнеспособность». Компетенции были описаны как многомерный конструкт, который представляется непрерывным и изменчивым с течением времени и выражается в *эффекте каскады*.

М. Раттер провел эпидемиологическое исследование детей, чьи родители имели психиатрические диагнозы, в ходе которого была доказана роль индивидуальных характеристик человека в формировании жизнеспособности. Отвечая на вопрос: почему многие из этих детей не имеют признаков психологического, социального неблагополучия, несмотря на наличие постоянного патологизирующего воздействия со стороны родителей, он обнаружил, что индивидуальные особенности и школьная среда были важными защитными факторами, способствующими благополучию детей. М. Раттер обнаружил, что школьная среда усиливает мотивацию достижения у ребенка, способствует его личностному росту и улучшает качество социальных контактов (Rutter, 1985).

М. Блэйер объясняет проявления жизнеспособности ребенка семейным контекстом, несмотря на слабость социальных, внутрисемейных условий для этого. Его известный эксперимент, в ходе которого он изучал 184 человека (от их детского возраста и до 40 лет) с родителями-шизофрениками и описал их функционирование в разных условиях: семьи, общения со сверстниками, родными (Bleuer, 1978). Будучи рожденными и воспитанными родителями-шизофрениками, эти дети испытывали неблагоприятное влияние семьи и соответствующего генетического фона как факторов риска в их жизни. Несмотря на это, большинство детей продемонстрировало способность жить «нормальной» или «почти нормальной» жизнью и менее 10% из них получили диагноз «шизофрения» во взрослом возрасте. Многие выросшие участники этого лонгитюда сообщили М. Блэйеру о том, что их семьи помогли им стать теми, кем они стали.

Наблюдения М. Блэйера наряду с подобными экспериментами Н. Гармези являются, пожалуй, одними из первых лонгитюдных исследований, в ходе которых была показана взаимосвязь социальных и семейных условий и рисков, с одной стороны, и жизнеспособности отдельных членов семьи — с другой. В своих работах М. Блэйер, будучи врачом-психиатром, отходит от медицинской модели дефицитарности, делая несвойственный для того времени акцент на ресурсах семьи и индивидуальных ресурсах (прямо так их не называя), дающих человеку возможность изменить свою жизнь, несмотря на неблагоприятные условия. Он предлагает своим пациентам не следовать предписанному сценарию — стать больным, таким же, как их родители, а парадоксально — искать ресурсы в семье, в общении со сверстниками, родными, т. е. стать активными субъектами изменений своей жизни. Эти ресурсы он рассматривает как условие, помогающее детям устоять, «отскочить», не разрушив себя, и развиваться, становясь жизнеспособными.

На этапе исследований жизнеспособности, относимых к первой волне, были описаны некоторые черты личности как защитные факторы. М. Раттер в 1979 г., а позже Н. Гармези с соавт. в 1984 г. описали три уровня защитных факторов — индивид, семья и сообщество (школа, сверстники и т. п.) (Garmezy et al., 1984; Rutter, 1979). Большое количество более поздних исследований в 1980-е годы были нацелены на изучение защитных факторов на этих трех уровнях, что способствовало развитию теоретических оснований жизнеспособности. Концептуализация понятия жизнеспособности происходила посредством выделения защитных факторов, формирующих компетентность родителей и в связи с этим — компетентность детей.

Вторая волна изучения жизнеспособности включает лонгитюдные эксперименты:

- Э. Вернер с соавт. на о. Кауаи, Гавайские острова в 1950–1980 гг. (Werner et al., 1971);
- Д. Фергюссона, Дж. Хорвуда с соавт. (Fergusson, Horwood, 1986; и др.) в проекте в г. Крайстчёрч, Новая Зеландия (Christchurch Health and Development Study, 1977 — по настоящее время);
- Рочестерского проекта (Rochester Child Resilience Project; RCRP) научным коллективом, возглавляемом Э. Коуэном (Cowan, Work, 1988);
- Л. А. Сроуфа с соавт. в *Миннесотском исследовании риска и адаптации: от рождения до взрослости* (The Minnesota study of risk

and adaptation from birth to adulthood, 1975 – по настоящее время) (Sroufe, 1997).

В первом исследовании этой волны – Э. Вернер с соавт. на протяжении сорока лет проводилось наблюдение за 697 респондентами, которые жили в неблагоприятных жизненных условиях: плохие перинатальные условия, бедность, нарушения в раннем развитии, психопатологические симптомы у родителей, ранний разрыв с семьей, нарушения в физическом, когнитивном и психосоциальном развитии. Исследование началось на острове Кауаи, Гавайи в 1954 г. группой педиатров, психологов, работников общественного здравоохранения, которые отслеживали пренатальные влияния на развитие детей, родившихся в 1955 г., до их совершеннолетия. Велось наблюдение и документирование хода всех беременностей и рождений детей в общине специалистами разного профиля. Они оценивали историю рождений детей в семье, физическое и эмоциональное состояние матери, собирали данные о материальных, интеллектуальных и эмоциональных аспектах семейной среды (Werner et al., 1971). К 18 годам примерно 2/3 юношей и девушек нельзя было назвать адаптированными к жизни, однако 1/3 молодых людей стали компетентными, уверенными в себе, со способностью «жить хорошо, работать хорошо, любить хорошо, ожидать хорошего» (Garmezy, 1983, p. 73). Позже Э. Вернер и ее сотрудники изменили направленность своих исследований, сфокусировав их на поиске корней жизнеспособности, базируясь на результатах научной работы двух десятилетий. Сопоставив жизнеспособных молодых людей и их сверстников, находившихся в зоне высокого риска и обладающих слабыми навыками совладания с серьезными проблемами жизни, они определили 15 основных защитных факторов, способствующих жизнеспособности. В их число вошли: быть первым в порядке рождения, высокий уровень активности, воспитание в заботе и ласке, отзывчивость, отсутствие вредных привычек, позитивная социальная направленность, автономия, развитые навыки самопомощи, сенсорно-моторные и перцептивные навыки, соответствующие возрасту, адекватные коммуникативные навыки, способность сосредоточить внимание и управлять импульсами, специальные интересы и хобби, положительная Я-концепция, внутренний локус контроля, желание совершенствоваться.

Позже Э. Вернер и Р. Смит проанализировали данные 30-летних респондентов из этой же когорты. Одна из целей этого этапа состояла в изучении долгосрочного влияния защитных факторов, которые привели к наиболее успешным результатам у взрослых. Ученые

обнаружили дополнительные защитные факторы, формирующие жизнеспособность: уровень образования родителей, наличие заботливых взрослых за пределами дома, помогающие учителя в школе (Werner, Smith, 1992).

Эта волна исследований характеризовалась тем, что жизнеспособность человека рассматривалась как результат одновременно двух процессов: *разрушения* – вследствие воздействия факторов риска и *объединения* ресурсов человека и его ближайшего окружения для формирования в нем качеств жизнеспособности (Richardson, 2002). Концептуализация понятия «жизнеспособность человека» происходила в поиске факторов жизнеспособности в социальной среде, семье, индивидуальных особенностях человека и общественных институтах: морали, религии, государства.

Исследования *третьей волны* (Developmental assets..., 2003) были посвящены изучению групповых ресурсов, связанных с жизнеспособностью и оказывающих влияние на детей. На данном этапе анализ жизнеспособности стал проводиться на больших популяционных выборках с целью верификации данных, полученных в лонгитюдах второй волны исследований. Среди них, например, исследование П. Бенсона более чем на 350000 студентах в 600 университетских кампусах, опрошенных между 1990 и 1995 г. (Benson, 1997), в ходе которого было выделено сорок факторов, названных респондентами в числе особенно полезных для их работы в будущем и оптимальных для жизни. Эти характеристики были сгруппированы в две категории: внешние факторы (получить поддержку, знать и проявлять свои границы, конструктивно использовать время) и внутренние факторы (честность, ответственность, целостность, социальная компетентность, чувство собственного достоинства, внутренний локус контроля и способность решать проблемы). Факторы, являющиеся отправной точкой для определения того, какие из них приводят к позитивному развитию у молодых людей и к жизнеспособности, неоднократно изучались в различных условиях и контекстах: летних лагерях для молодежи, локальных программах развития в школах, местных общинных и религиозных организациях (Benson, 1997). В этих исследованиях были предложены психодиагностические средства для измерения таких понятий, как социальная поддержка, поддержка сверстниками, положительные ценности, стремление к обучению, социальные компетенции, позитивная идентичность.

Фокус третьей волны исследований сместился от поиска механизмов, которые помогают предотвращать риски, от изучения траектории развития ребенка, к тому, как наилучшим способом фор-

мировать ценные качества у ребенка и развивать их. Третья волна представляет собой пример постмодернистского и междисциплинарного взгляда на жизнеспособность, которая является силой, движущей человека к росту и развитию через невзгоды и различные неблагоприятные условия (Richardson, 2002). Концептуализация понятия «жизнеспособность» происходила в русле поиска психологических ресурсов личности, социальных ресурсов общества, сопоставления роли индивидуальных и социальных ресурсов.

Четвертая волна исследований демонстрирует необходимость понимания жизнеспособности как артефакта, как индивидуальной способности идти по своему пути к ресурсам психологического здоровья человека и здоровья социума в контексте культуры (Boyden, Mann, 2005). В концептуализации жизнеспособности в исследованиях этой волны внимание обращается, прежде всего, на такие важные для индивида понятия, как надежда, индивидуальный потенциал, ресурсы, а в рамках теории научения — на поведенческий потенциал. Термин «жизнеспособность» концептуализируется через понятия «надежда», «понимание себя», «поддерживающие отношения», «включение в социум», «совладающие механизмы» и «смысл жизни».

К выделяемой нами *пятой волне* изучения жизнеспособности человека мы относим исследования, проводимые преимущественно в русле экологического подхода Ю. Бронфенбреннера. Особенностью этой волны является интерес к изучению социального и природного контекстов и их существенное расширение, в этих контекстах формируется, развивается и проявляется жизнеспособность человека. К ним мы относим: значительные политические, социальные и экономические трансформации общества и вызванные ими социальная нестабильность ряда регионов мира; драматические изменения на уровне государственного устройства (Йемен, Сирия, Украина) и связанные с ними изменения в этнокультурных условиях жизни ряда народов (миграция, войны); неблагоприятные природно-климатические влияния на огромных территориях (ураганы, землетрясения, наводнения). «Еще одним фактором, усиливающим воздействие этих изменений, является глобализация — черта нашего времени» (Дикая, 2012, с. 5). Целью многих исследований становятся не только традиционные контексты влияния микрофакторов (семья, соседи, микросоциум, сверстники и их субкультура, институты воспитания) и мезофакторов (СМИ, социальные сети, сообщества, *локальные* географические, природно-климатические, экономические, демографические, культурные условия), но и заметно влияющие на жизнеспособность общества макрофакторы (природа, климат, экономика,

демография, культура), действие которых становится все более глобальным. Эти макрофакторы риска и защиты, влияющие на большие группы, были признаны важным условием жизнеспособности. В результате заметно увеличилось число исследований, проводимых на коллективах, жителях городов, государств. На этом этапе исследований жизнеспособности масштаб самих факторов риска и защиты и, соответственно, сила их влияния стали учитываться в изучении жизнеспособности. В современных работах на метауровне ретроспективно рассматриваются макрофакторы риска, оказавшие заметное влияние на несколько поколений, рожденных после значимых мировых событий. Например, жизнеспособность жертв прошлого (Холокоста, религиозных войн, освоения европейцами новых земель Северной и Южной Америки, других территорий) стала предметом метаанализа рядом ученых (Жизнеспособность..., 2016, с. 129—143; 662—675). Другими словами, появление нового для психологии понятия «жизнеспособность человека» способствовало появлению метаанализа и когортных исследований, в которых были рассмотрены уже известные события и психологические феномены, выявленные ранее на многочисленных выборках. Для проведения значительных по объему исследований стал необходим анализ больших данных (big data) и последствий для изучаемого феномена.

Концептуализация понятия жизнеспособности человека в исследованиях *пятой волны* происходит в рамках экологического подхода через изучение влияния макрофакторов риска и защиты (макроресурсов общества) и вызванных ими значительных изменений в социальных характеристиках и структуре общества.

Таким образом, на разных исторических этапах изучения жизнеспособности исследователями в качестве системообразующего фактора рассматривался баланс между различными факторами риска и защитными факторами или — как в современных исследованиях — соотношение социальных, семейных и культурных контекстов, ресурса человека. Важно отметить, что во многих исследованиях системный характер жизнеспособности человека не подчеркивается, выделяются лишь те или иные частные признаки этого психического образования. Другими словами, жизнеспособность человека чаще описывается в рамках структурного подхода как некая дихотомия, например: устойчивость — неустойчивость, хороший — плохой результат, воздействие — отсутствие воздействия.

Модели первых этапов изучения жизнеспособности во многом определялись полученными эмпирическими данными, поэтому большинство моделей и подходов начального этапа исследований этого

феномена можно назвать *феноменологическими*. В феноменологические модели жизнеспособности, прежде всего, включался некий перечень наблюдаемых явлений, отталкиваясь от которого вероятно выстраивались основания для прогнозирования развития жизнеспособности человека. Очень часто специалисты не стремились найти и объяснить причины, вызывающие появление этого интегративного качества у ребенка или подростка. Особенно это касается результатов первых лонгитюдов, когда исследователи занимались наблюдением и фиксацией феноменов жизнеспособности.

Жизнеспособность человека (чаще всего ребенка, подростка) преимущественно изучалась как способность противостоять неблагоприятному воздействию ситуации (отсюда понятие «неуязвимый ребенок») и могут быть соотнесены с медицинской моделью исследования. Способность ребенка противостоять неблагоприятности рассматривалась как его индивидуально-личностная характеристика. Не случайно во многих исследованиях жизнеспособность называлась чертой личности, нередко такой подход можно встретить и в современных работах. В рамках психосоциальной модели (модели здоровья) последующие волны изучения жизнеспособности нацелены на анализ реализации полноты жизни (Махнач, 2013).

Подходы к изучению жизнеспособности человека

В современных исследованиях жизнеспособности человека были выработаны методологические подходы к созданию моделей этого феномена. Все существующие на сегодняшний день модели жизнеспособности опираются на экспериментальные данные ранее осуществленных лонгитюдных исследований, но налицо тенденция к созданию системно ориентированных моделей. В зарубежной психологии среди множества разных подходов, на базе которых развиваются исследования жизнеспособности человека, ученые наиболее часто обращаются к социокультурному (экологическому) подходу Ю. Бронфенбреннера, теории салютогенеза А. Антоновского, теории социального научения и др. В отечественной психологии — к культурно-исторической концепции психического развития Л. С. Выготского, междисциплинарному подходу к проблемам человека Б. Г. Ананьева. Остановимся на наиболее важных для нашего понимания истоках изучения жизнеспособности человека, теоретическая база которых составила основу наших исследований.

Социокультурный (экологический) подход Ю. Бронфенбреннера в исследовании жизнеспособности человека — это экологическая перспек-

тива для оценки человека, семьи или общества, сравнимая с системными теориями в психологии. В каждом из контекстов этой модели представлены и исследуются соотношения ресурсов человека, сильных сторон его личности, потенциала и воздействия факторов различной природы и в конечном итоге его жизнеспособности.

Культурно-историческая концепция психического развития Л. С. Выготского может выступать основой для исследования жизнеспособности ребенка. По мнению Э. Мастен, Р. Дистефано, системный подход к жизнеспособности резонирует с идеями Ю. Бронфенбреннера и Л. С. Выготского о важности для развития человека взаимодействия с другими системами (Жизнеспособность..., 2016, с. 33). Говоря о роли Л. С. Выготского в теоретическом обосновании современных исследований жизнеспособности, необходимо обратиться к пониманию им способа формирования высших психических функций ребенка, которые «строятся первоначально как внешние формы поведения ... являются социальным способом поведения, примененным к самому себе» (Выготский, 1984, с. 71), что особенно важно для изучения влияния на ребенка социальной среды как внешнего ресурса жизнеспособности.

В *междисциплинарном подходе к индивидуальному развитию Б. Г. Ананьева* жизнеспособность человека рассматривается как потенциальный объект исследования. Среди факторов жизнеспособности (так их называют сейчас) он выделял силу нервных процессов индивида, наличие поддержки, моральной помощи, соучастия и сочувствия других людей, солидарности группы. По его мнению, важно дифференцировать способности человека и выделять в их числе жизнеспособность (Ананьев, 2001, с. 271).

Описанные выше теоретические основания для исследования жизнеспособности человека представляют разные научные школы и направления. Предлагаемые авторами подходы, модели изучения жизнеспособности, как правило, включают выделение состава, структуры, признаков, которые связываются с разными факторами их детерминации. В последнее время исследователи делают акцент на экологическом подходе в изучении жизнеспособности: разрабатывается, например, четырехаспектная экологическая модель (Лактионова, 2013, 2015, 2017а; Лактионова, Махнач, 2007, 2010, 2015; Махнач, 2013; Махнач, Лактионова, Постылякова, 2014; Махнач, Лактионова, Унгар, 2007; Makhnach, 2017; Ungar et al., 2005) в которой представлено соотношение ресурсов человека, сильных сторон его личности, потенциала и воздействия «социально токсичного окружения» (Дж. Гарбарина). В этой модели соотнесены экологическая перспек-

тива для оценки жизнеспособности человека, теоретические постулаты экологического подхода Ю. Бронфенбреннера, теория четырех контекстов/паттернов жизнеспособности Л. Полк, междисциплинарный подход к индивидуальному развитию жизнеспособности Б. Г. Ананьева.

Эти теоретические разработки легли в основу разрабатываемого нами компонентного подхода к исследованию жизнеспособности человека и семьи (Махнач, 2014, 2016). Предлагаемая нами модель характеризует процесс формирования жизнеспособности человека, определяет перспективу возможного развития этого качества, предсказывает новую траекторию этого развития в случаях необходимости изменений (стресс, экстраординарное событие и т. п.). Наша модель разработана для целей постановки и решения задач теоретического изучения феномена жизнеспособности человека, являясь парадигмальным обобщением компонентов ее структуры. Она представляет собой системно ориентированные взаимосвязи уровней развития человека и включает структуру, собственно взаимосвязи, некоторые структурные элементы жизнеспособности человека.

По нашему мнению, существо модели должно оставаться неизменным, к нему мы относим уровни и обязательные для них взаимосвязи, но количество и особенно качество этих связей динамичны. Динамика количества и качества связей в модели напрямую зависит от многих внешних контекстов — условий, факторов среды и особенностей человека, начиная от психофизиологических данных до социально-психологических характеристик личности, духовности.

В исследованиях жизнеспособности последних лет отражены идеи социальной модели, реализованной в четырехконтекстной экологической модели жизнеспособности М. Унгара с соавт. (Ungar et al., 2005):

- *черты личности и индивидуальные характеристики*, в том числе личностные характеристики подростка, индивидуальные особенности, личностные установки, отношение к будущей профессии;
- *отношения*, включающие характеристики отношений со сверстниками, членами семьи, оценку их конфликтности (теплоты), отношение к родительской заботе;
- *общество и государство*, включающие оценку отношения к школе, возможности получить образование, варианты проведения досуга, ощущение безопасности в стране;

- *культура*, ее принятие/отторжение, отношение к неформальным молодежным движениям.

Каждая из этих областей, по мнению экспертов международного проекта (в котором принимал участие автор данной статьи), в большой степени характеризует жизнеспособность детей и подростков. В этой модели, в первую очередь, обращалось внимание на социально-психологические и личностные характеристики человека в контексте экологии человека.

В настоящее время в основу разрабатываемого нами компонентного подхода к исследованию жизнеспособности была положена идея выделения наиболее важных свойств и характеристик человека, формирующих его жизнеспособность — представления, восприятия и оценки им следующих параметров: своего социального окружения; широкого культурного контекста, его экологии в целом, способствующих формированию его жизнеспособности (Махнач, 2016).

Обобщив данные исследований, посвященных изучению компонентов жизнеспособности человека, мы пришли к выводу о том, что жизнеспособность человека может быть описана в основном шести взаимосвязанными *компонентами*:

- 1) способность к контролю над собственным функционированием, которая выражается в самоэффективности субъекта;
- 2) способность к проявлению упорства, живучести, самодисциплины, выражающаяся в настойчивости человека;
- 3) способность к управлению потребностями в неблагоприятных условиях и приспособлению к ним выражается в принятых им стратегиях совладания и адаптивности;
- 4) способность влиять на окружение и ход жизни в будущем, проявляющаяся в выраженном внутреннем локусе контроля;
- 5) мировоззренческая направленность, которая выражается в устремленности человека к духовному развитию, нравственному поведению;
- 6) способность к выстраиванию взаимоотношений, проявляется в умении специалиста выстраивать социальные и семейные отношения.

Пять первых компонентов детерминированы внутренним контекстом, последний из компонентов — внешним контекстом. В связи с этим *жизнеспособность человека* мы определяем как психическое образование, проявляющееся в способности человека управлять собственными ресурсами: здоровьем, эмоциональной, мотиваци-

онно-волевой, когнитивной сферами, в условиях социокультурных норм и средовых влияний. Жизнеспособность — это способность человека к преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств и событий, не только к восстановлению, но и к выходу на более высокий уровень развития, используя для этого все возможные внутренние и внешние ресурсы. Жизнеспособность — это способность к жизни во всех ее проявлениях, способность не только существовать, адаптироваться к условиям жизни, но и развиваться вопреки неблагоприятному внешнему влиянию.

Очевидно, что в понятийном поле термина «жизнеспособность человека» существует целый ряд определений. Это понятие включает в себя способность рационально планировать и эффективно, успешно совершать действия в определенных условиях, развиваться. Общая множество трактовок, отметим, что их объединяют различные определения способности человека жить: существуя, совладея, выживая и развиваясь — самостоятельно, в семье, в другой малой группе, в обществе. Соответственно, жизнеспособность — это способность на протяжении длительного времени сохранять важные свойства личности, а в краткосрочной перспективе — сохранять менее важные, но более актуальные здесь и сейчас (Лактионова, 2017а, б; Махнач, 2016).

Все вышеперечисленные контексты: личностные характеристики, социально-психологические переменные внешнего контекста (культура, социальная поддержка, вера, образование и пр.) совместно формируют и поддерживают жизнеспособность человека. Семейные ресурсы складываются из индивидуальных психологических ресурсов каждого члена семьи и ресурсов, которые присущи семье как системе, составляя жизнеспособность человека и семьи в целом. Очевидно, что для понимания сущности явления жизнеспособности человека и семьи необходимы данные о механизмах и закономерностях формирования и развития этой интегративной характеристики. Для дальнейшего исследования этого феномена наряду с разработкой модели необходимо продолжить изучение теоретических подходов, положенных в основание модели жизнеспособности человека.

Сопоставление понятия «жизнеспособность человека» с близкими понятиями

Появление нового для науки понятия всегда предполагает соотнесение его с уже существующими, особенно в тех случаях, когда новый термин близок или созвучен уже используемым.

Формат статьи не позволяет провести это сопоставление в полной мере, тем не менее несколько слов следует сказать о связанных с понятием «жизнеспособность» близких терминах. Концептуально некоторые из них одного с жизнеспособностью семантического поля (сила духа, ресурсы человека) оформились в позитивной психологии в конце 1990-х годов благодаря М. Селигману и его идеи о выученном оптимизме и подлинном счастье (Селигман, 2006). Исследования показали, что ощущение силы в себе увеличивает целеустремленность, надежду (С. А. Богомаз, С. Ваништендаль, С. А. Хазова, С. Panter-Brick, V. Eggerman и др.), альтруизм, придает уверенность в себе (П. В. Андреев, Л. И. Анцыферова, Т. Н. Березина, Л. З. Левит, А. В. Юревич, Т. D. Hodges, D. O. Clifton, Н. Ghazal, R. Lemay, A. Malik и др.), расширяет права и возможности (С. Cowger) способствует повышению качества жизни (Г. М. Головина, Г. М. Зараковский, И. Е. Куприянова, К. Муздыбаев, В. А. Непомнящая, Е. И. Рассказова, В. Б. Рябов, И. Б. Ушаков, В. А. Хашенко, С. Keyes, S. Lopez и др.) и социальной адаптивности человека (В. А. Бодров, Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко, А. А. Пеан, D. S. Charney, D. Cicchetti, D. Fergusson, M. D. Glantz, Z. Sloboda и др.).

В литературе описывается роль кризиса в жизни человека и подчеркивается важность здоровой личности для повышения положительной адаптации (В. И. Медведев, С. Т. Посохова, А. Antonovsky, D. Cicchetti, S. Luthar). Эти исследования позволили перейти к формальным измерениям различных аспектов силы духа человека, его психологических ресурсов (Р. М. Грановская, Л. Г. Дикая, И. А. Джидарьян, И. М. Никольская, Ю. В. Постылякова, В. А. Толочек, В. В. Beaver, S. L. Foster, R. J. Lloyd, M. Seligman). Некоторые ученые (Р. А. Linley, С. R. Snyder и др.) считают, что сам факт отсутствия патологии не указывает на жизнеспособность человека, и у вполне здорового человека также необходимо проводить оценку его сильных сторон. Осуществленный уже несколько десятилетий назад теоретический, эмпирический и антропологический сдвиг (по К. Ранеру) парадигмы исследований от болезни к здоровью, от уязвимости к совладанию, от дефицита к ресурсу и в конечном итоге — к жизнеспособности человека не остается незамеченным. Количество исследований, отраженных в научной литературе в рамках этой парадигмы, возрастает.

Следует отметить, что в исследованиях сильных сторон человека используются разные понятия: позитивный аффект (В. Beaver, С. Benetti, N. Kambouropoulos), посттравматическое развитие/рост (К. И. Воробьева, М. Ш. Магомед-Эминов, L. G. Calhoun, R. G. Те-

deschi), удовлетворенность жизнью (S. Heubner, R. Gilman), психологический капитал (Дж. Коулман, Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко, А. И. Юрьев, J. Avey, J. Bartkowski, F. Luthans, X. Xu и др.), личностный потенциал (Д. А. Леонтьев, Е. Ю. Мандрикова, U. Staudinger и др.), ресурсный потенциал (Ю. В. Постылякова); психофизиологический потенциал (Г. М. Зараковский, В. И. Медведев), проактивное совладание (Е. С. Старченкова, E. R. Greenglass). В связи с этим А. Л. Журавлев и А. В. Юревич отмечают: «Нетрадиционные понятия психологической науки, такие как счастье, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью, субъективное качество жизни, смысл жизни, цель жизни и др., при всех их различиях покрывают одно онтологическое поле, тесно связаны друг с другом, и, хотя их пока трудно уложить в упорядоченную систему понятий, все же прописывается определенный вектор детерминации этих феноменов» (Журавлев, Юревич, 2014, с. 14). По всей видимости, в подобных случаях следует говорить о сетевом принципе организации категорий (Т. Д. Марцинковская). С учетом того, что перечисленные выше понятия родом из разных наук и принадлежат разным школам, согласимся с Е. А. Сергиенко, отметившей, что сама попытка анализа заставляет перейти от поверхностного уровня сравнения парадигмального аппарата к содержательному и глубокому, что позволит снять целый ряд разногласий и будет способствовать наведению мостов (Сергиенко, 2016б). Соотношение указанных терминов с понятием «жизнеспособность человека» проанализировано в ряде работ (Жизнеспособность..., 2016, с. 71–87, 483–496, 462–482; Лактионова, 2017б; Махнач, 2016; Рыльская, 2014; и др.).

В понятийном поле, на котором очевидны пересечения и даже контаминации, смысловое содержание одного термина, например, «жизнестойкость» приписывается другому – «жизнеспособность». Несмотря на сложность и неоднозначность места термина «жизнеспособность человека» в понятийном поле близких по смыслу терминов, исследования этого феномена являются частью процесса научного изучения сильных сторон человека и во многом носят объединяющий эти исследования характер.

Потенциал понятия «жизнеспособность человека» в современной психологии

Обратим внимание на современные тенденции в изучении жизнеспособности человека, относимые нами к пятой волне. Методологические стратегии изучения жизнеспособности на современном этапе

должны учитывать эволюцию и трансформацию парадигм, возрастающее влияние в научном анализе роли факторов культуры и «антропологического поворота» в философии, поворота к субъекту по К. Ратнеру. Современные работы нацелены на изучение жизнеспособности больших групп населения из иных культур, мигрирующих из Африки и Ближнего Востока в Европу, в нашей стране – трудовых мигрантов из республик Средней Азии. Особенностью этой эмиграции является очень заметное отличие страны приема от тех стран, в которые эмигранты стремятся попасть. Преимущественно молодые по возрасту переселенцы прибывают в Европу и в Россию из обществ постфигуративного типа, в «которых старшие поколения являются образцом поведения для молодых с сохранением всех традиций, присущих данному племени, обществу» (Мид, 1988, с. 322–323). Важным в этом плане является тот факт, что они собираются жить и работать в обществах кофигуративного типа, в которых сформирована абсолютно иная модель жизни общества. Эмигранты оказываются в странах приема с иными для них типами общественного и социального устройства, а местное население не собирается изменять свои устои. Эти особенности поведения как местного населения, так и эмигрантов не может не вызывать интереса исследователей.

Современные исследования жизнеспособности расширены до изучения макропсихологических факторов региональной экономической жизнеспособности во времена экономического кризиса (Obschonka et al., 2016). В исследования вовлекаются большие группы, выделенные в зависимости от социально-демографического состава, географических и экологических условий жизнедеятельности, доступа к технологиям, обеспеченности экономическими ресурсами, профессиональной принадлежности и т. п. Современный этап исследований жизнеспособности характеризуется использованием метаанализа накопленных данных, свидетельствующих о том, что полученный во многих исследованиях и на разных методологических основаниях материал нуждается в метааналитическом подходе (Helmreich et al., 2017). Метаанализ феноменов жизнеспособности дает объем полученным данным и важную для этого термина глубину интерпретации.

Развитие психологии как науки закономерно приводит к появлению понятий, которые являются во многом зонтичными с широким интерпретационным полем. Жизнеспособность можно рассматривать как «зонтичный» термин для психологических ресурсов, которые имеют решающее значение для человека. В таком понимании термин становится еще более обобщающим и менее формализованным,

что, несомненно, увеличивает сложность сопоставления результатов различных исследований, поскольку налицо отсутствие согласованности по всему понятийному полю. При этом важно помнить, что концептуализация понятия «жизнеспособность» является сложным процессом, протекающим в настоящее время в различных теоретических подходах. Трансформация содержания концепта от неустойчивости и совладания с неблагоприятными условиями к описанию системных характеристик, таких, как ресурсы, потенциал и др., отражает закономерную динамику в концептуализации понятия, а также изменение в акцентах научного интереса к этому феномену.

Новым в исследованиях феноменов позитивной психологии являются попытки придумать термин, который стал бы еще более широким и включал в себя многие из существующих сейчас понятий. Например, Н. Талеб создает новый термин «антихрупкость» — «это больше чем жизнеспособность или надежность. Быть жизнеспособным означает сопротивляться ударам и оставаться неизменным. Антихрупкость позволяет стать лучше» (Taleb, 2012, р. 3.); с таким определением трудно согласиться. Насколько этот термин захватывает все феномены позитивной психологии — вопрос открытый.

Также появилась потребность в гибких методологических стратегиях и методах исследования жизнеспособности, что позволит произвести охват большего числа феноменов и объяснить их суть в нескольких контекстах одновременно — для чего и необходимо системное мышление. Системное мышление или «сложное мышление», по Э. Морену, не предполагает разделения знаний на обособленные дисциплинарные области, но открывает в знании новый смысл, когда возводятся мосты между различными областями дисциплинарного знания. Особенностью новых методологий следующего этапа изучения жизнеспособности является отсутствие метода в его классическом понимании: «Продвижение вперед без дороги, прокладывание дороги в процессе движения по ней» (Морен, 2005, с. 44). «Системное мышление» — это контекстуальное мышление, и поскольку объяснение событий и явлений в их контексте означает объяснение на языке окружающей среды, то можно сказать, что все системное мышление — это философия окружающей среды (Капра, 2003).

В исследованиях жизнеспособности человека наблюдается переход от жестких принципов к гибким методологическим стратегиям, способным следовать потоку изменений, взаимодействий и саморазвития предмета изучения, включая новые факты и случайности. С этим связана общая тенденция в современной науке: «Такие характеристики современности, как транзитивность, текучесть, сложность

и разнообразие, обусловили поиск новых исследовательских стратегий, где переплетение разных сфер жизни сопровождается проницаемостью дисциплинарных границ» (Гусельцева, 2016, с. 38). Отсюда закономерно появление полипарадигмальности в исследовании жизнеспособности человека, о которой ранее говорили философы и кибернетики. Полипарадигмальность становится исследовательской методологией, в том числе для психологической науки, в рамках которой осуществляется целостное рассмотрение изучаемых процессов и явлений. Полипарадигмальность предполагает в исследовательской парадигме: изучение человека как цельного объекта; совмещение различных теоретических подходов как в области одной науки — психологии, так и в смежных с ней: социологии, педагогике, физиологии, экономике, философии и истории; разработка модели с учетом данных, полученных в разных науках (Лактионова, 2017а; Махнач, 2016).

Жизнеспособность человека была и остается предметом исследования в ряде социальных и гуманитарных наук, в полипарадигмальности изучения этого феномена сокрыт его недооцененный и неизученный учеными потенциал. Отсюда — попытки разработки теории жизнеспособности с учетом данных, полученных в смежных областях науки, сопоставление данных из разных наук (психопатологии развития, социальной психологии, социологии, экологии), появление и уточнение понятий, в основе которых лежит изучаемый нами феномен, например: социальная и экологическая жизнеспособность (W. N. Adger), жизнеспособность общества (G. C. Gallopín), жизнеспособность в инженерии (E. Hollnagel, D. Woods), жизнеспособность города (А. А. Муратова), жизнеспособность государства (С. Fjäder). В каждое из этих междисциплинарных понятий включен психологический термин «жизнеспособность человека», который все еще остается малоизученным.

По всей видимости, на данном этапе исследований феномена жизнеспособности человека концептуализация этого понятия только начата. Постепенное расширение концептуального поля термина от жизнеспособности ребенка, выживающего в условиях военного времени, до жизнеспособности народа или государства есть необходимый процесс возникновения, развития и, в конечном итоге, концептуализации термина. В каком-то смысле междисциплинарность и полипарадигмальность этого концепта помогает сформировать новые понятия в каждой из областей знания, осмыслить полученную в этих областях информацию, что приведет к концептуализации термина «жизнеспособность» в психологии.

Несомненно перспективной и интересной для психологии является тема жизнеспособности человека, живущего и работающего в условиях воздействия неблагоприятных факторов среды – социального или природного генеза. Очевидно, что особого внимания требуют специалисты, в профессиональной деятельности которых их жизнеспособность является критически необходимой характеристикой. Традиционные для отечественной психологии работы по изучению адаптивности человека к разным условиям жизнедеятельности следуют продолжением не только факторов риска и совладания, как было в работах по адаптации, но и факторов развития человека, защиты его жизнеспособности. Особенно это важно для таких видов и условий жизнедеятельности человека, как оказание социальной помощи уязвимым группам (дети-сироты и замещающие семьи, матери-одиночки, семьи с больными детьми, одинокие люди преклонного возраста и т. п.); проживание человека в экстремальных социальных, природных условиях; профессиональная деятельность в сложных профессиях; потеря профессии и/или работы.

Отрадно отметить, что уже появляются работы с результатами исследований жизнеспособности человека в описанных выше условиях, например, изучение жизнеспособности специалистов помогающих профессий (Лютарева, 2016; Плющева, 2017), молодежи, проживающей в экологически неблагоприятных условиях (Сараева, 2017; Суханов, 2017), специалистов, работающих с инвалидами (Моздокова, 2017), профессиональных групп, повседневная деятельность которых включает экстремальный компонент (Котовская, 2017), кандидатов в замещающие родители (Лактионова, 2016; Махнач, Лактионова, Постылякова, 2015; Постылякова, 2016; Makhnach, 2017), родителей, воспитывающих больных детей (Нестерова, 2015), социальное и когнитивное развитие детей (Маховская, Марченко, 2017), подростков, испытывающих неблагоприятные влияния социума (Лактионова, 2015) и с отклонениями в развитии (Королева, 2015; Куфтяк, 2014; Лактионова, 2017а; Паатова, 2016; Шубникова, 2016).

Современные исследования специалистов военных профессий, спасателей, часто находящихся под влиянием факторов риска, также обеспечивают понимание феномена жизнеспособности профессионалов в междисциплинарных исследованиях (Л. Ю. Гороховатский, В. А. Пономаренко, G. A. Bonano, E. Clipp, G. Elder, D. W. King, J. E. C. Lee, D. R. McCreary, K. A. Sudom, и др.). В этих работах были выявлены характеристики, которые особенно связаны с жизнеспособностью человека в ситуациях высокого напряжения эмоций и физических сил, что происходит на военной службе, в бою, у пожарных,

спасателей. Будущие исследования этих групп профессионалов (особенно с учетом их специализированной подготовки и опыта участия в военных действиях) могут быть направлены на верификацию теории жизнеспособности. Кроме того, дальнейшее изучение жизнеспособных военнослужащих может уточнить знания о механизмах, которые приводят к восстановлению после переживания травматического опыта участия в военных действиях, и, таким образом, углубить разработку моделей и теории жизнеспособности человека. Исследования жизнеспособности военнослужащих могут способствовать дальнейшей проверке условий отказоустойчивости в стрессогенных ситуациях, а также уточнить представления о различиях между группами военных специалистов и обычных людей, переживающих сильный стресс.

Еще одно из ведущих и бурно развивающихся направлений изучения жизнеспособности профессионала связано с темой лидерства в организациях. Лидерство при этом определяется как ключевое понятие для повышения уровня жизнеспособности команды (S. W. Kozlowski, D. Ilgen). В работах делается акцент на выделении конкретных характеристик жизнеспособности персонала, но тема повышения жизнеспособности организации и ее сотрудников через обучение навыкам лидерства остается на периферии научного интереса. Внимание к жизнеспособности профессионала становится особенно важным в связи с появлением новых форм организаций, таких как сетевые и виртуальные, что оказывает сильное влияние на лидерство в командах. Природа и характеристики новых форм организаций требуют обмена руководящими ролями внутри компании и организации деятельности между равными членами команды (Van der Kleij et al., 2011).

Говоря о *жизнеспособности семьи* как быстро развивающейся области исследования мы отмечаем факт появления нового понятия в психологии семьи и смежных с ней областях науки, что также привело к возникновению его разных определений. Во многом термин «жизнеспособность семьи» еще не концептуализирован, его понятийное поле по-прежнему не является четко очерченным и на сегодняшний день исследователи этой темы в основном занимаются сбором и анализом феноменов, связанных с этим понятием (Махнач, 2016). Актуальность и востребованность исследований жизнеспособности семьи выражается в значительном увеличении числа публикаций по этой теме. Отчасти по причине сложности концептуализации понятия «жизнеспособность семьи» в ряде исследований эта интегративная характеристика объясняется через три категории факто-

ров, объединяющих несколько переменных, а именно позитивные индивидуальные факторы, факторы семейной поддержки и факторы благоприятных условий вне семьи. Благодаря библиометрическому анализу, проведенному К. Б. Зуевым, мы можем проследить динамику интереса к теме «жизнеспособность семьи». Впервые как отдельное словосочетание «жизнеспособность семьи» появляется в базе WoS в 1991 г., но выраженный рост частоты его упоминаний начинается с 2011 г., когда было опубликовано 17 публикаций. В 2012 и 2013 гг. вышло 25 и 26 статей соответственно, в 2014 – 32, в 2015 – 44, в 2016 – 48, в 2017 г. уже индексируется 23 статьи. Практически такие же результаты получаются при аналогичном поиске в базе Scopus: 2014 год – 21 статья, 2015 – 33, 2016 – 45, в 2017 г. – 32 статьи (Зуев, 2018).

В наших исследованиях проводится также анализ жизнеспособности замещающих семей, принципы развития жизнеспособности детей-сирот в замещающих семьях и выпускников интернатных учреждений. В ряде работ анализируется психологическая работа с замещающей семьей и приемными детьми, которая должна проводиться в контексте развития жизнеспособности замещающей семьи. Представленные нами данные эмпирического исследования жизнеспособности замещающих родителей позволили изучить специфику этой группы, выраженность компонентов их жизнеспособности и определить взаимосвязанность этих компонентов с семейными ресурсами и психопатологической симптоматикой (Лактионова, Махнач, 2015; Махнач, 2013, 2015; Махнач, Лактионова, Постылякова, 2015; Проблема сиротства..., 2015; Семья, брак..., 2015; Махнач, 2017).

Таким образом, разработка понятий «жизнеспособность человека», «жизнеспособность семьи», объединяющих ряд терминов, часто близких по содержанию, должна привести к построению взаимосвязей между внешними и внутренними факторами, воздействующими на человека и семью, к определению структуры их жизнеспособности и к выделению на основе этого ее системообразующего фактора. Усилия психологов, исследователей и практиков, должны привести к пониманию жизнеспособности как системной характеристики человека и семьи. Концептуализация и операционализация сравнительно нового для отечественной науки термина, определение его понятийного поля является важным этапом дальнейших исследований в межпарадигмальном пространстве с наведением «межпарадигмальных мостов» (Е. А. Сергиенко) – в том числе и работы с инструментарием для эмпирического исследования жизнеспособности человека и семьи.

Литература

- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.
- Виленская Г. А. Роль контроля поведения в развитии жизнеспособности детей раннего возраста // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 265–280.
- Выготский Л. С. Анализ знаковых операций ребенка // Л. С. Выготский. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 6. М.: Педагогика. 1984. С. 60–75.
- Гусельцева М. С. Принцип развития в психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности // Принцип развития в современной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 31–51.
- Дикая Л. Г. Социальная психология труда на новом этапе развития: методолого-теоретические основания и эмпирические исследования // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 5–22.
- Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В. Коллективные смыслы как предпосылка личного счастья // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 5–15.
- Зуев К. Б. Библиометрический анализ современных исследований жизнеспособности семьи // Вестник ЯрГУ. Сер. «Гуманитарные науки». 2018. № 1.
- Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. М.: ИД «София», 2003.
- Королева Ю. А. Социально-психологическая компетентность и жизнеспособность лиц с отклонениями в развитии: факторный анализ // Специальное образование. 2015. № 4. С. 43–51.
- Котовская С. В. Субъектно-личностные детерминанты жизнеспособности профессионала // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 2. С. 125–138.
- Курьяк Е. В. Жизнеспособность семьи: теория и практика // Медицинская психология в России. 2014. № 5 (28). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2014_5_28/nomer/nomer09.php (дата обращения: 12.11.2017).
- Лактионова А. И. Особенности жизнеспособности и социальной адаптации подростков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 2 (38). С. 107–115.
- Лактионова А. И. Влияние образовательной среды на развитие социальной адаптации и жизнеспособности старшеклассников // Со-

- циальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 3 (47). С. 24–32.
- Лактионова А. И.* Развитие жизнеспособности замещающей семьи в процессе ее сопровождения // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2016. Т. 1. № 1. С. 254–271.
- Лактионова А. И.* Жизнеспособность и социальная адаптация подростков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017а.
- Лактионова А. И.* Структурно-уровневый анализ феномена жизнеспособности человека // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017б. Т. 2. № 4.
- Лактионова А. И., Махнач А. В.* Влияние факторов жизнеспособности на социальную адаптацию подростков // Ребенок в современном обществе. Сборник научных статей. М.: МГППУ, 2007. С. 184–191.
- Лактионова А. И., Махнач А. В.* Жизнеспособность как фактор адекватного профессионального самоопределения и социализации // Социальная психология труда: Теория и практика. Т. 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 459–477.
- Лактионова А. И., Махнач А. В.* Жизнеспособность и социальная адаптация подростков-сирот // Проблема сиротства в современной России: психологический аспект. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 193–223.
- Лотарева Т. Ю.* Влияние стажа работы на жизнеспособность профессионалов социальной сферы // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 4. С. 99–116.
- Махнач А. В.* Жизнеспособность как междисциплинарное понятие // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 6. С. 84–98.
- Махнач А. В.* Социальная модель как парадигма исследований жизнеспособности человека // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 2 (38). С. 46–53.
- Махнач А. В.* Социокультурный экологический подход в исследовании жизнеспособности человека и семьи // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 3. С. 67–75.
- Махнач А. В.* Психопатологическая симптоматика и семейные ресурсы у кандидатов в замещающие родители // Семья, брак и родительство в современной России. Вып. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 249–264.
- Махнач А. В.* Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Махнач А. В., Лактионова А. И., Постылякова Ю. В.* Программа психологической диагностики личностных и семейных ресурсов в практике

- отбора, обучения и сопровождения замещающих родителей // Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 166–193.
- Махнач А. В., Лактионова А. И., Постылякова Ю. В.* Роль ресурсности семьи при отборе кандидатов в замещающие родители // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 108–122.
- Махнач А. В., Лактионова А. И., Унгар М.* Жизнеспособность подростка: международное исследование // Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе. Материалы 1 междунар. научно-практической конф. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 29–32.
- Маховская О. И., Марченко Ф. О.* Влияние образовательных медиа на развитие и жизнеспособность детей // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 2. С. 201–224.
- Мид М.* Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
- Моздоква Ю. С.* Развитие жизнеспособности у работников культуры в процессе их профессиональной коммуникации с инвалидами // Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 2. С. 105–124.
- Морен Э.* Метод. Природа природы. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
- Нестерова А. А.* Жизнеспособность родителей, воспитывающих ребенка с аутизмом // Семья, брак и родительство в современной России. Вып. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 265–273.
- Паатова М. Э.* Социально-педагогическая реабилитация системных нарушений жизнеспособности девиантных подростков // Педагогика. 2016. № 5. С. 48 – 54.
- Плющева О. А.* Жизнеспособность специалиста в контексте профессиональной деятельности // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 3. С. 155–183.
- Постылякова Ю. В.* Повышение ресурсности и жизнеспособности кандидатов в замещающие родители в ходе обучения // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2016. Т. 1. № 1. С. 272–283.
- Проблема сиротства в современной России: психологический аспект / Отв. ред. А. В. Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Разумовский О. С., Хазов М. Ю.* Проблема жизнеспособности систем // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 1. С. 3–7.

- Рыльская Е. А.* Научные подходы к исследованию жизнеспособности человека в зарубежной психологии // Теория и практика общественного развития. 2014. № 8. С. 57–58.
- Сараева Н. М.* Жизнеспособность юношеского населения в регионе экологического неблагополучия по показателям психологической адаптации // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия: Психология. 2017. Т. 21. С. 87–98.
- Селигман М. Э. П.* Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни. М.: София, 2006.
- Семья, брак и родительство в современной России. Вып. 2 / Под ред. А. В. Махнач, К. Б. Зуева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Сергиенко Е. А.* Контроль поведения как индивидуальный ресурс жизнеспособности человека // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016а. С. 247–264.
- Сергиенко Е. А.* Межпарадигмальные мосты // Психологические исследования. 2016б. Т. 9. № 48. Ст. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.10.2017).
- Суханов А. А.* Психологическая адаптация и жизнеспособность школьников, проживающих на экологически неблагополучной территории // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 56–7. С. 331–342.
- Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е.* Посттравматический стресс и совладающее поведение в период средней и поздней взрослости // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 291–305.
- Хазова С. А.* Ментальные ресурсы и жизнеспособность субъекта // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 306–320.
- Шихирев П. Н.* Природа социального капитала: социально-психологический подход // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 17–32.
- Шубникова Е. Г.* Изучение взаимосвязи жизнеспособности и моделей совладающего поведения подростков в педагогической профилактике зависимостей // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие: Материалы IV Междунар. науч. конф. Т. 2. Кострома: КГУ, 2016. С. 262–265.
- Benson P. L.* All kids are our kids. Minneapolis: Search Institute, 1997.

- Bleuer M.* The schizophrenic disorders: Long term patient and family studies. New Haven: Yale University Press, 1978.
- Boyden J., Mann G.* Children's risk, resilience, and coping in extreme situations // Handbook for Working with Children and Youth: Pathways to Resilience across Cultures and Contexts. Sage: Thousand Oaks, 2005. P. 3–26.
- Cowen E. L., Work W. C.* Resilient children, psychological wellness and primary prevention // American Journal of Community Psychology. 1988. V. 16 (4). P. 591–607. doi: 10.1007/BF00922773.
- Developmental assets and asset-building communities: Implications for research, policy, and practice. N. Y.: Kluwer Academic/Plenum, 2003.
- Fergusson D. M., Horwood L. J.* The effects of test reliability on relationships between measures of life events and depression // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. 1986. V. 21 (2). P. 53–62. doi: 10.1007/BF00578743
- Garnezy N.* Vulnerable and invulnerable children: theory, research and intervention // Catalog of Selected Documents in Psychology. 1976. V. 6. (4). P. 1–23.
- Garnezy N.* Stressors of childhood // Stress, Coping and Development in Children / N. Garnezy, M. Rutter (Eds). N. Y.: McGraw-Hill, 1983. P. 43–84.
- Garnezy N., Masten A. S., Tellegen A.* The study of stress and competence in children: A building block of developmental psychopathology // Child Development. 1984. V. 55 (1). P. 97–111. doi: 10.2307/1129837.
- Helmreich I., Kunzler A., Chmitorz A., König J., Binder H., Wessa M., Lieb K.* Psychological interventions for resilience enhancement in adults (protocol) // Cochrane database of systematic reviews (Online: Update Software). 2017. V. 2017. № 2. doi: 10.1002/14651858.CD012527.
- Makhnach A. V.* Medical and social models of orphanhood: Resilience of adopted children and adoptive families // The Routledge International Handbook of Psychosocial Resilience / U. Kumar (Ed.). N. Y.: Routledge, 2017. P. 202–213.
- Makhnach A., Laktionova A.* Social and cultural roots of Russian youth resilience: Interventions by the state, society, and the family // Handbook for Working with Children and Youth. Pathways to Resilience across Cultures and Contexts / M. Ungar (Ed.). Thousand Oaks: Sage, 2005. P. 371–386. doi: 10.4135/9781412976312.
- Masten A. S.* Resilience in developing systems: Progress and promise as the fourth wave rises // Development and Psychopathology. 2007. V. 19. P. 921–930. doi: 10.1017/S0954579407000442.
- Masten A. S., Obradović J.* Competence and resilience in development // Annals of the New York Academy of Sciences. 2006. V. 1094. P. 13–27. doi: 10.1196/annals.1376.003.
- Obschonka M., Stuetzer M., Audretsch D. B., Rentfrow P. J., Potter J., Gosling S. D.* Macropsychological factors predict regional economic resilience during

- a major economic crisis // *Social Psychological and Personality Science*. 2016. V. 7 (2). P. 95–104. doi: 10.1177/1948550615608402.
- Richardson G.* The metatheory of resilience and resiliency // *Journal of Clinical Psychology*. 2002. V. 58 (3). P. 307–321. doi: 10.1002/jclp.10020.
- Rutter M.* Protective factors in children's responses to stress and disadvantage // *Primary Prevention in Psychopathology: Social Competence in Children*. V. 8 / M. W. Kent, J. E. Rolf (Eds). Hanover: University Press of New England, 1979. P. 49–74.
- Rutter M.* Resilience in the face of adversity // *British Journal of Psychiatry*. 1985. V. 147. P. 598–611. doi: 10.1192/bjp.147.6.598.
- Sroufe L. A.* Psychopathology as an outcome of development // *Development and Psychopathology*. 1997. V. 9. P. 251–268. doi: 10.1017/S0954579497002046.
- Taleb N. N.* Antifragile: Things that gain from disorder. N. Y.: Random House, 2012.
- Ungar M., Clark S. E., Kwong W.-M., Makhnach A., Cameron C. A.* Studying resilience across cultures // *Journal of Ethnic and Cultural Diversity in Social Work*. 2005. V. 14. № 3/4. P. 1–19. doi: 10.1300/J051v14n03_01.
- Van der Kleij R., Molenaar D., Schraagen J. M.* Making teams more resilient: effects of shared transformational leadership training on resilience // *Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society 55th Annual Meeting*, 2011 September 19–23; Las Vegas, 2011. V. 55 (1). P. 2158–2162. doi: 10.1177/1071181311551450.
- Werner E. E., Bierman J. M., French F. E.* The children of Kauai: A longitudinal study from the prenatal period to age ten. Honolulu: University of Hawaii Press, 1971.
- Werner E. E., Smith R. S.* Overcoming the odds: High risk children from birth to adulthood. Ithaca: Cornell University Press, 1992.

Субъективный возраст человека — расширение понятия возрастной идентичности

Е. А. Сергиенко

Субъективный возраст человека — это самовосприятие собственного возраста, субъективная возрастная идентификация. Такой подход ставит в центр рассмотрения когнитивно-субъективные оценки человеком возраста, которые меняют внутреннюю картину временной перспективы, восприятие жизненных событий, организацию и регуляцию собственного поведения, шкалу собственной жизни. Категория субъективного возраста не становится альтернативой типологическому (К. А. Абульханова, Т. Н. Березина, В. Н. Дружинин, К. Г. Юнг, В. И. Ковалев), причинно-целевому (Е. И. Головаха, А. А. Кроник, Р. А. Ахмеров, В. В. Нуркова) и мотивационному (Ж. Нюттен, Ф. Зимбардо, А. Сырцова, Н. Н. Толстых) подходам к проблеме «человек и время», а иным ракурсом ее рассмотрения. В современных зарубежных работах описана тенденция увеличения с возрастом разрыва между хронологическим, субъективным и желаемым возрастом, подтвержденная в кросс-культурных исследованиях как универсальная человеческая закономерность, но она остается слабо изученной и теоретически интерпретированной в психологической науке (Braman, 2002).

Хронологический возраст отражает, сколько лет прожито, а субъективный возраст свидетельствует о том, как субъективно себя ощущает человек. Причем, если подростки и молодые люди оценивают себя старше, то после 25 лет нарастает тенденция оценивать себя мо-